

Оригинальная статья

УДК:303.4(470+571)

Финансовая самостоятельность регионов России как фактор ресурсной обеспеченности стратегирования: типология по трансфертной зависимости

А. З. Мидов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

midov.a.z.@mse-msu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3094-9693>

Аннотация: Финансовая самостоятельность региона – ключевой фактор ресурсной обеспеченности при реализации региональных социально-экономических стратегий. В условиях значительной дифференциации регионов России по уровню социально-экономического развития и, как следствие, высокой зависимости большей части субъектов Российской Федерации от безвозмездных поступлений из федерального центра, проблема анализа и оценки устойчивых институциональных факторов, влияющих на систему перераспределения межбюджетных трансфертов, приобретает особую актуальность в контексте регионального стратегирования. Настоящее исследование направлено на выявление закономерностей взаимосвязи финансовой самостоятельности регионов, структуры межбюджетных трансфертов и показателей социально-экономического развития. Объектами исследования послужили субъекты Российской Федерации. В ходе работы применены методы группировки регионов по уровню зависимости бюджетов от безвозмездных поступлений, анализа структуры и динамики бюджетных и социально-экономических показателей за 2018–2024 гг., а также сравнительного анализа показателей налогового потенциала и уровня доходного неравенства населения. В результате исследования выделены 4 устойчивые группы регионов по уровню зависимости от безвозмездных поступлений. Установлено воспроизводство структурной поляризации: в 2024 г. разрыв доли безвозмездных поступлений между крайними группами достиг 49,4 процентных пункта. Регионы с высокой финансовой самостоятельностью характеризовались устойчивым налоговым потенциалом, более высокими темпами роста валового регионального продукта и доходов населения, но при этом демонстрировали более высокий уровень доходного неравенства. Также выявлена устойчивая стратегическая тенденция зависимости высокодотационных регионов от выравнивающих трансфертов, формирующих отрицательные стимулы для развития экономики данных территорий. Полученные результаты подтвердили, что выявленная зависимость от безвозмездных поступлений выступала структурным фактором, определяющим уровень финансовой самостоятельности регионов, а также источником ресурсных ограничений для реализации долгосрочных стратегий развития. Представленные выводы могут быть использованы при корректировке региональных стратегий развития и повышении эффективности механизмов межбюджетного регулирования.

Ключевые слова: стратегия, регион, финансовая самостоятельность, стратегирование, стратегия развития региона, межбюджетные трансферты

Цитирование: Мидов А. З. Финансовая самостоятельность регионов России как фактор ресурсной обеспеченности стратегирования: типология по трансфертной зависимости // Стратегирование: теория и практика. 2026. Т. 6. № 1. С. 20–36. <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2026-6-1-20-36>; <https://elibrary.ru/QWXGFY>

Поступила в редакцию 10.11.2025. Прошла рецензирование 23.12.2025. Принята к печати 26.12.2025.

original article

Financial Autonomy of Russian Regions as a Factor of Resource Provision for Strategizing: A Typology of Transfer Dependence

Aslan Z. Midov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

midov.a.z.@mse-msu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3094-9693>

Abstract: Financial autonomy is a key factor that determines the resource base for regional socio-economic development strategies. Russian regions differ in terms of socio-economic development: most constituent entities depend on non-repayable transfers from the federal center. In these settings, the analysis and assessment of the institutional factors that affect the system of intergovernmental fiscal redistribution become particularly relevant for regional strategizing. This article describes some patterns in the relationship between regional financial autonomy, the structure of intergovernmental transfers, and socio-economic development indicators. The constituent entities of the Russian Federation were grouped by the level of budgetary dependence on non-repayable transfers. The analysis of the structure and dynamics of budgetary and socio-economic indicators covered the period from 2018 to 2024. The author also compared the tax potential and income inequality across regions. The final classification featured four groups of regions with different levels of dependence on non-repayable transfers. The study revealed the reproduction of structural polarization: in 2024, the gap in the share of non-repayable transfers between the extreme groups reached 49.4 percentage points. Regions with high financial autonomy demonstrated a reliable tax potential and a higher growth rate of gross regional product and household incomes. However, the same regions showed greater income inequality. Highly subsidized regions tended to depend on equalization transfers, which generated negative incentives for economic development in these territories. In general, the dependence on non-repayable transfers acts as a structural factor that determines the level of regional financial autonomy and limits the resources for long-term development strategies. The results may be used to improve regional development strategies of intergovernmental fiscal regulation mechanisms.

Keywords: strategy, region, financial autonomy, strategizing, regional development strategy, intergovernmental transfers

Citation: Midov AZ. Financial Autonomy of Russian Regions as a Factor of Resource Provision for Strategizing: A Typology of Transfer Dependence. *Strategizing: Theory and Practice*. 2026;6(1):20–36. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2782-2435-2026-6-1-20-36>; <https://elibrary.ru/QWXGFY>

Received 10 November 2025. Reviewed 23 December 2025. Accepted 26 December 2025.

российский регион финансовая самостоятельность как фактор ресурсного обеспечения стратегизации: типология зависимости от трансфертов

Аслан • Заматович • Мидов

Российский государственный университет им. М.В. Ломоносова

midov.a.z.@mse-msu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3094-9693>

Аннотация: Региональная финансовая самостоятельность является ключевым фактором ресурсного обеспечения стратегии развития региона. Российские регионы отличаются уровнем социально-экономического развития: большинство субъектов зависят от безвозмездных трансфертов из федерального центра. В таких условиях анализ и оценка институциональных факторов, влияющих на систему межбюджетных трансфертов, становятся особенно актуальными для региональной стратегизации. В статье описаны некоторые закономерности в соотношении региональной финансовой самостоятельности, структуры межбюджетных трансфертов и показателей социально-экономического развития. Субъекты Российской Федерации были сгруппированы по уровню бюджетной зависимости от безвозмездных трансфертов. Анализ структуры и динамики бюджетных и социально-экономических показателей охватывал период с 2018 по 2024 год. Автор также сравнил налоговый потенциал и неравенство доходов по регионам. В итоге классификация выделила четыре группы регионов с разным уровнем зависимости от безвозмездных трансфертов. Исследование выявило воспроизводство структурной поляризации: в 2024 году разрыв в доле безвозмездных трансфертов между крайними группами достиг 49,4 процентных пункта. Регионы с высокой финансовой самостоятельностью продемонстрировали надежный налоговый потенциал и более высокие темпы роста валового регионального продукта и доходов домохозяйств. Однако в этих же регионах наблюдалось большее неравенство доходов. Высокосубсидируемые регионы tended to зависеть от выравнивающих трансфертов, что создавало негативные стимулы для экономического развития на этих территориях. В целом, зависимость от безвозмездных трансфертов выступает структурным фактором, определяющим уровень региональной финансовой самостоятельности и ограничивающим ресурсы для долгосрочных стратегических разработок. Результаты могут быть использованы для совершенствования региональных стратегий регулирования межбюджетных трансфертов.

指标之间关系的规律性。研究对象为俄罗斯联邦主体。研究采用的方法是根据对财政拨款的依赖程度对地区进行分组，分析了2018–2024年财政预算和社会经济指标的结构和动态，并对税收潜力和收入不平等指标进行了比较分析。研究根据不同地区对无偿拨款的依赖程度，识别出四个稳定的地区组。研究发现他们之间存在结构性两极化：到2024年，极端组之间无偿转移性收入占比的差距达到49.4个百分点。财政自给自足程度高的地区具有稳定的税收潜力、高地区生产总值和高家庭收入增长率，但同时也显示出收入不平等的程度更高。研究还发现，高度依赖补贴的地区存在一种稳定的战略趋势，即对均衡转移支付的依赖，这将会对这些地区的经济发展产生负面激励。研究结果表明，对无偿拨款的依赖是决定地区财政自主程度的结构性因素，也是实施长期发展战略的资源制约因素。研究结果可用于调整区域发展战略，并提高预算间调控机制的有效性。

关键词：战略，区域，财政自主性，战略化，区域发展战略，预算间转移支付

2025年11月10日收到稿件。2025年12月23日经同行评审。2025年12月26日被接受发表。

ВВЕДЕНИЕ

В процессах стратегирования социально-экономического развития региона как сложной экономической системы вопросы финансовой самостоятельности территориального образования являются ключевыми для ресурсного обеспечения реализации долгосрочных стратегических приоритетов¹. В этой связи изучение теории и методологии стратегического развития регионов тесно связано с теорией фискального федерализма и ее фундаментальными принципами, направленными на повышение эффективности межбюджетных взаимоотношений на всех уровнях управления².

Высокая степень дифференциации регионов России по уровню социально-экономического развития оказывает влияние не только на экономический потенциал территорий, но и на уровень их бюджетной обеспеченности. Это, в свою очередь, формирует ресурсные ограничения при попытках выхода регионов из дотационного экономического состояния. В этих условиях межбюджетные трансферты выступают ключевым механизмом обеспечения расходных полномочий субъектов Российской Федерации, а также инструментом реализации региональных стратегий³, соответствующих национальным интересам государства.

Вместе с тем действующие фискальные механизмы и система межбюджетных трансфертов

создают ряд проблем в контексте преодоления финансовой зависимости регионов от федерального центра. Они формируют отрицательные стимулы как для регионов-реципиентов, так и для регионов-доноров, которые в ряде случаев не направляют имеющиеся ресурсы на реализацию собственных стратегий. Основной научный вопрос выстраивается вокруг не только масштабов и объемов трансфертной поддержки и степени зависимости региональных бюджетов от безвозмездных поступлений, но и того, какие устойчивые институциональные режимы формируются на региональном уровне под воздействием данных механизмов и каким образом эти условия влияют на процесс реализации стратегий развития.

Исследование тенденций и эффективности межбюджетных трансфертов в контексте финансовой самостоятельности регионов представляется важной и актуальной задачей современной экономической науки.

ОБЪЕКТЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Классическая интерпретация теории бюджетного федерализма предполагает децентрализованную модель межбюджетных отношений как оптимальную для достижения экономического роста территориальных образований, что должно способствовать

¹ Квинт В. Л. Концепция стратегирования. Т. 1. СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2019. 132 с.

² Шаклеина М. В., Мидов А. З. Стратегическая типологизация регионов по уровню финансовой самостоятельности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 3. С. 39–54. <https://doi.org/10.15838/esc.2019.3.63.3>

³ Квинт В. Л., Бодрунов С. Д. Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика. СПб.: ИНИР имени С. Ю. Витте, 2021. 351 с.

повышению эффективности предоставления общественных благ за счет более рационального распределения ресурсов региональными правительствами, которые лучше осведомлены о реальных потребностях населения^{4,5}. Вместе с тем более поздние исследования⁶ в рамках концепции бюджетного федерализма смещают акцент на политические и фискальные стимулы, определяющие поведение региональных властей, подчеркивая ограниченность возможностей правительств в части произвольного вмешательства в экономику региона.

Достижение экономического роста в регионе за счет фискальной децентрализации обеспечивается прежде всего децентрализацией доходных полномочий, что подтверждается рядом эмпирических исследований стран организации экономического сотрудничества и развития⁷. В то же время централизация расходов субнациональных бюджетов негативно влияет на экономический рост территории⁸. Эффект децентрализации доходов региональных бюджетов усиливается при наличии институциональных механизмов, гарантирующих стабильность бюджетных отношений. Также стоит отметить, что регионы с более высокой налоговой автономией в установлении налоговых ставок демонстрируют более высокие темпы экономического развития⁹. Это объясняется тем, что у субнациональных правительств формируется более сильный стимул поддерживать экономический рост и предпринимательскую активность для рас-

ширения налоговой базы. Подчеркивается, что такой подход оказывался более эффективным, чем системы разделения налоговых поступлений.

Достижение финансовой самостоятельности регионов способствует усилению конкуренции за мобильные факторы производства – капитал, квалифицированный труд и предпринимательская активность, – что, в свою очередь, ведет к повышению эффективности управления на уровне региональных органов власти¹⁰. В условиях высокой конкуренции достижение долгосрочных целей становится возможным лишь при реализации устойчивой стратегии регионального развития, основанной на конкурентных преимуществах региона¹¹.

Рассматривая финансовую самостоятельность как фактор ресурсного обеспечения региональной стратегии¹², следует отметить, что, согласно эмпирическим исследованиям, регионы с более высоким уровнем финансовой самостоятельности демонстрируют наибольшую отдачу от государственных инвестиций¹³. Кроме того, децентрализация фискальных полномочий усиливает подотчетность власти перед местным населением, что теоретически должно повышать качество предоставления государственных услуг и эффективность бюджетных расходов. Однако действие этого фактора всегда ограничено институциональной средой региона.

Интерпретируя основные выводы теоретических и эмпирических исследований бюджетного федерализма применительно к российским реалиям,

⁴ Oates W. E. Toward a second-generation theory of fiscal federalism // *International Tax and Public Finance*. 2005. Vol. 12. № 4. P. 349–373. <https://doi.org/10.1007/s10797-005-1619-9>

⁵ Oates W. E. Fiscal Federalism // *Public Choice*. 1973. Vol. 14. № 4. P. 155–157.

⁶ Weingast B. R. The performance and stability of federalism: An institutional perspective // *Handbook of New Institutional Economics*. Boston, MA: Springer, 2005. P. 149–172. https://doi.org/10.1007/0-387-25092-1_8

⁷ Gemmell N., Kneller R., Sanz I. Fiscal decentralization and economic growth: Spending versus revenue decentralization // *Economic Inquiry*. 2013. Vol. 51. № 4. P. 1915–1931.

⁸ Юшков А. Ю., Одинг Н. Ю., Савулькин Л. И. Судьбы российских регионов-доноров // *Вопросы экономики*. 2017. № 9. С. 63–82. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-9-63-82>

⁹ Dougherty S., Harding M., Reschovsky A. Twenty years of tax autonomy across levels of government: Measurement and applications // *OECD Working Papers on Fiscal Federalism*. 2019. № 29. P. 1–38.

¹⁰ Tiebout C. M. A pure theory of local expenditures // *Journal of Political Economy*. 1956. Vol. 64. № 5. P. 416–424.

¹¹ Brueckner M., Pappa E., Valentini A. Geographic cross-sectional fiscal spending multipliers and the role of local autonomy: Evidence from European regions // *Journal of Money, Credit and Banking*. 2023. Vol. 55. № 6. P. 1357–1396. <https://doi.org/10.1111/jmcb.12974>

¹² Мидов А. З. Анализ эффективности межбюджетных отношений как фактора ресурсной обеспеченности при реализации региональных стратегий // *Экономический анализ: теория и практика*. 2021. Т. 20. № 3. С. 436–454. <https://doi.org/10.24891/ea.20.3.436>

¹³ Does fiscal decentralization foster regional investment in productive infrastructure? / A. Kappeler [et al.] // *European Journal of Political Economy*. 2013. Vol. 31. P. 15–25. <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2013.03.003>

необходимо подчеркнуть, что данные положения во многом справедливы и для России. Бюджетная децентрализация в стране характеризуется относительно высоким уровнем формальной децентрализации расходных полномочий при значительной централизации доходов и высокой зависимости регионов от межбюджетных трансфертов¹⁴. Вместе с тем эмпирические исследования подтверждали наличие положительной взаимосвязи между децентрализацией и экономическим ростом регионов в России, отмечая, что действующая модель централизации доходов формирует определенный потенциал для регионального развития¹⁵. Однако необходимо учитывать существенную дифференциацию регионов России по уровню финансовой самостоятельности и экономического развития, что осложняет повсеместное применение единой политики фискальной централизации. Дополнительные ограничения обусловлены институциональными факторами, прежде всего высокой зависимостью значительной части регионов от дотаций федерального центра¹⁶.

Высокий уровень дифференциации регионов России по социально-экономическим показателям определяет значительную зависимость региональных бюджетов от межбюджетных трансфертов¹⁷. Они выполняют различные функции: от безусловных безвозмездных перечислений, основной задачей которых является фискальное выравнивание, до целевых условных и безусловных трансфертов, направленных на стимулирование и поддержку реализации отдельных расходных полномочий. Межбюджетная финансовая помощь субъектам

Российской Федерации осуществляется по различным каналам с использованием широкого спектра инструментов, включая дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности, дотации на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджетов, субсидии, субвенции и другие межбюджетные трансферты¹⁸.

Вместе с тем подобная политика фискального выравнивания может формировать отрицательные стимулы для регионов-реципиентов в части социально-экономического развития, способствуя возникновению иждивенческих моделей поведения¹⁹. Это порождает системную институциональную проблему, снижающую эффективность межбюджетных трансфертов и ограничивающую потенциал экономического развития регионов. Ряд авторов в своих эмпирических исследованиях подтверждал, что чрезмерный объем трансфертной поддержки создавал негативные стимулы для субнациональных правительств²⁰, которые оказываются менее заинтересованными в реализации эффективных стратегий развития и повышении качества жизни населения²¹, предпочитая ожидать дальнейшего предоставления безвозмездных трансфертов для финансирования основных расходных обязательств региональных бюджетов.

Объектами исследования послужили субъекты Российской Федерации. Для анализа финансовой самостоятельности регионов России как фактора ресурсной обеспеченности реализации стратегии проведена типологизация субъектов Российской Федерации по показателю зависимости их бюджетов от безвозмездных поступлений. Данный

¹⁴ Сумская Т. В. Анализ бюджетной обеспеченности регионов России: подходы и выводы // Регион: экономика и социология. 2025. № 2. С. 29–52. <https://doi.org/10.15372/REG20250202>

¹⁵ Тимушев Е. Н. Бюджетная децентрализация в России и мире: тенденции и эффекты // Вопросы экономики. 2021. № 11. С. 89–107. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-11-89-107>

¹⁶ Караваева И. В., Гираев В. Фискальная децентрализация как основа эффективной экономической политики регионов // Федерализм. 2018. № 2. С. 18–31. <https://elibrary.ru/XSCKVN>

¹⁷ Афанасьева Е. Е. Финансовая самостоятельность бюджетов субъектов Центрального федерального округа: состояние и перспективы достижения // Вестник Евразийской науки. 2020. Т. 12. № 2. С. 1–13. <https://elibrary.ru/YMZPYO>

¹⁸ Пьянкова С. Г., Комбаров М. А. Усиление фискальной децентрализации как один из способов ослабления гетерогенности экономического пространства России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16. № 2. С. 52–68. <https://doi.org/10.15838/esc.2023.2.86.3>

¹⁹ A fiscal capacity for the euro area: Lessons from existing fiscal-federal systems / P. Burriel [et al.] // ECB Occasional Paper Series. 2020. № 239. 58 p.

²⁰ Vigneault M. Intergovernmental fiscal relations and the soft budget constraint problem // IIGR Working Paper. 2005. № 2. 30 p.

²¹ Квинт В. Л. Стратегирование в России и мире: ставка на человека // Экономика и управление. 2014. № 11. С. 15–17. <https://elibrary.ru/TENMXD>

показатель может рассматриваться в качестве ключевого индикатора оценки уровня финансовой самостоятельности региона. В результате группировки регионов выделены четыре группы, представленные в таблице 1²².

Следует отметить, что в группу наиболее финансово самостоятельных регионов входят агломерационные центры, а также ресурсные регионы с высоким экономическим потенциалом. Вторая группа представлена регионами с достаточно развитым экономическим и промышленным потенциалом. Данные субъекты характеризуются умеренными темпами экономического роста, однако в значительной степени уступают регионам-лидерам вследствие высокой концентрации ресурсного потенциала у последних либо наличия выраженного агломерационного эффекта.

Для регионов третьей группы безвозмездные трансферты уже выступают системно значимым элементом доходной части бюджета, что может формировать риски иждивенческого поведения субнациональных правительств. Четвертая группа характеризовалась преимущественно слабо развитыми аграрными регионами, в бюджетах которых безвозмездные поступления являются основной статьей доходов. Эти регионы демонстрируют низкие темпы социально-экономического развития и наличие устойчивых структурных проблем, сохраняющихся на протяжении длительного периода времени. Более наглядно распределение регионов по группам представлено на рисунке 1, который отражает логику таблицы 1²³.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Анализ доли безвозмездных поступлений в совокупных доходах консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации является важным индикатором финансовой самостоятельности регионов. С одной стороны, данный показатель отражает способность территории формировать собственную налоговую базу, с другой – характеризует масштабы

выравнивающего и целевого перераспределения межбюджетных трансфертов, что, в свою очередь, свидетельствует либо об уровне налогового потенциала региона, либо о его финансовых потребностях, обусловленных объемом расходных полномочий.

Разделение регионов на группы в зависимости от уровня финансовой самостоятельности позволило оценить структурные изменения, происходящие внутри этих групп, и сформировать устойчивые выводы, значимые для дальнейшей интерпретации результатов и обоснования мер по повышению финансовой самостоятельности. В целях проверки применимости проведенной типологии выполнена оценка устойчивости и наличия структурных сдвигов в рассматриваемых группах регионов. Полученные результаты показали, что распределение регионов по уровню зависимости от трансфертов обладало высокой устойчивостью: порядка 80 % субъектов сохраняли принадлежность к одной и той же группе на протяжении периода 2018–2024 гг. (рис. 2²⁴), что указывало на сформировавшийся характер финансовой самостоятельности анализируемых регионов.

Анализ динамики доли безвозмездных трансфертов в совокупных доходах консолидированных бюджетов субъектов РФ позволил сформулировать устойчивый принципиальный вывод о сохранении структурной поляризации между крайними группами регионов, а не о временном разрыве, обусловленном экзогенными шоками. Так, в 2024 г. средняя доля безвозмездных поступлений в группе наиболее финансово самостоятельных регионов составила 14,8 %, тогда как в группе с высокой зависимостью от трансфертов – 64,2 %, а разрыв между группами достиг 49,4 процентных пункта (рис. 2).

Сохраняющаяся поляризация в значительной степени обусловлена структурными проблемами в экономике слабо развитых регионов, которые не позволяют им преодолеть устойчивую зависимость от безвозмездных поступлений. Анализ динамики показателя за рассматриваемый период также

²² Составлена автором на основе данных Казначейства РФ.

²³ Составлен автором на основе данных Казначейства РФ.

²⁴ То же.

Таблица 1. Группировка регионов Российской Федерации по уровню зависимости бюджетов субъектов страны от безвозмездных поступлений за 2024 г.

Table 1. Russian regions by the degree of dependence of regional budgets on non-repayable intergovernmental transfers, 2024

Группа	Регионы
Группа 1 – С высоким уровнем финансовой самостоятельности (уровень безвозмездных поступлений не превышает 20 % от доходов консолидированного бюджета субъекта РФ (11 регионов))	г. Москва (9 %); Сахалинская область (11 %); Тюменская область (12 %); г. Санкт-Петербург (12 %); Ненецкий автономный округ (14 %); Ямало-Ненецкий автономный округ (14 %); Ленинградская область (14 %); Московская область (17 %); Свердловская область (19 %); Ханты-Мансийский автономный округ (Югра) (20 %); Красноярский край (20 %);
Группа 2 – Со средним уровнем финансовой самостоятельности (уровень безвозмездных поступлений 20–35 % от доходов консолидированного бюджета субъекта РФ (31 регион))	Самарская область (22 %); Новосибирская область (22 %); Тульская область (22 %); Калужская область (23 %); Республика Татарстан (23 %); Пермский край (23 %); Вологодская область (23 %); Республика Коми (24 %); Челябинская область (24 %); Нижегородская область (24 %); Краснодарский край (26 %); Иркутская область (26 %); Приморский край (26 %); Ярославская область (27 %); Воронежская область (27 %); Липецкая область (27 %); Белгородская область (29 %); Амурская область (29 %); Ростовская область (29 %); Мурманская область (29 %); Магаданская область (29 %); Кемеровская область – Кузбасс (30 %); Хабаровский край (30 %); Владимирская область (31 %); Тверская область (31 %); Рязанская область (32 %); Ульяновская область (32 %); Смоленская область (32 %); Удмуртская Республика (33 %); Астраханская область (33 %); Калининградская область (34 %);
Группа 3 – Дотационные регионы (уровень безвозмездных поступлений 35–50 % от доходов консолидированного бюджета субъекта РФ (27 регионов))	Республика Башкортостан (35 %); Костромская область (35 %); Архангельская область (37 %); Новгородская область (37 %); Томская область (37 %); Омская область (37 %); Пензенская область (38 %); Саратовская область (38 %); Волгоградская область (38 %); Оренбургская область (42 %); Орловская область (42 %); Алтайский край (42 %); Ивановская область (42 %); Ставропольский край (43 %); Чувашская Республика (43 %); Республика Мордовия (43 %); Тамбовская область (43 %); Кировская область (43 %); Республика Хакасия (43 %); Республика Саха (Якутия) (44 %); Республика Карелия (44 %); Брянская область (44 %); Забайкальский край (46 %); Псковская область (47 %); Республика Марий Эл (48 %); Республика Калмыкия (48 %); Чукотский автономный округ (49 %);
Группа 4 – Высокодотационные регионы (уровень безвозмездных поступлений больше 50 % от доходов консолидированного бюджета субъекта РФ (16 регионов))	Курганская область (51 %); Республика Адыгея (53 %); Курская область (55 %); Еврейская автономная область (55 %); г. Севастополь (57 %); Республика Бурятия (59 %); Республика Крым (61 %); Республика Северная Осетия – Алания (61 %); Камчатский край (65 %); Кабардино-Балкарская Республика (65 %); Республика Алтай (66 %); Карачаево-Черкесская Республика (66 %); Республика Дагестан (73 %); Республика Тыва (79 %); Чеченская Республика (80 %); Республика Ингушетия (80 %).

Рис. 1. Группировка регионов Российской Федерации по уровню зависимости бюджетов субъектов страны от безвозмездных поступлений за 2024 г.

Fig. 1. Russian regions by the degree of dependence of regional budgets on non-repayable intergovernmental transfers, 2024

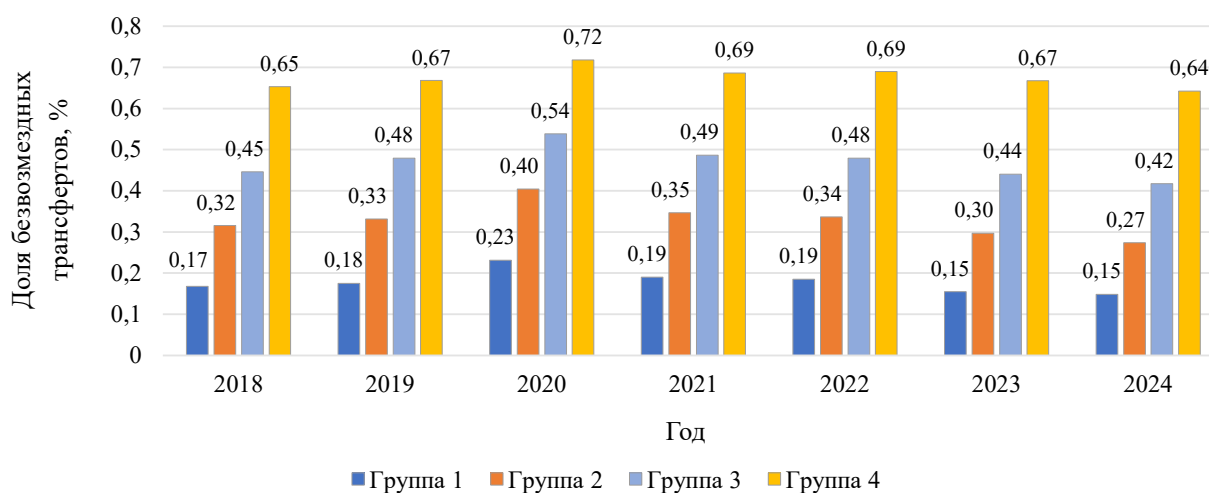

Рис. 2. Динамика доли безвозмездных трансфертов в совокупных доходах консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации за 2018–2024 гг.

Fig. 2. Trends in the share of non-repayable transfers in total revenues of consolidated regional budgets in Russia, 2018–2024

выявил резкий рост доли безвозмездных трансфертов во всех группах регионов в 2020 г., что прежде всего связано с пандемией COVID-19 и сопутствующим увеличением бюджетных расходов на фоне

экономического шока, приведшего к сокращению налоговой базы регионов. В последующий период изменения доли безвозмездных трансфертов носили разнонаправленный характер: регионы-

лидеры демонстрировали ускоренное снижение зависимости от трансфертов, тогда как регионы-аутсайдеры сохраняли высокий уровень трансфертной зависимости бюджетов.

Далее проведен анализ показателя налогового потенциала, включающего налоги, уплачиваемые населением и организациями. В рамках исследования рассматривалась динамика доли налога на прибыль в структуре налоговых и неналоговых доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации, которая в значительной степени отражала объем и устойчивость налоговой базы региона. Высокие значения и рост данного показателя свидетельствовали об экономическом развитии региона и способствовали снижению его финансовой зависимости от безвозмездных трансфертов.

Анализ динамики показателя в разрезе выделенных групп регионов позволил сделать следующие выводы. В первой группе наблюдался устойчиво высокий уровень показателя, который варьировался с 65 % в 2018 г. до 66 % в 2024 г. (рис. 3²⁵). Такая стабильность в значительной степени объяснялась структурой экономики данных регионов, в которой доминировали крупные корпорации и транснациональные компании, выступающие локомотивами

экономического роста не только на региональном, но и на общенациональном уровне. Во второй группе регионов значение показателя также оставалось достаточно стабильным и колебалось в диапазоне 63–65 % на протяжении рассматриваемого периода. Схожая динамика сохранялась и в третьей группе регионов.

В то же время в четвертой группе слаборазвитых регионов фиксировалась отрицательная динамика показателя, что могло свидетельствовать о сокращении налогооблагаемой базы данных субъектов и указывать на наличие устойчивых структурных проблем в их экономике. Внутригрупповой анализ крайних значений дополнительно подтверждал экономическую специализацию регионов: наиболее высокие доли налога на прибыль характерны для ресурсных и агломерационных экономик (Тюменская область – 81,8 %; Москва – 74,7 %; Санкт-Петербург – 71,4 %), тогда как минимальные значения наблюдались в регионах с ограниченной промышленной базой (Кабардино-Балкарская Республика – 42,5 %; Республика Алтай – 44,7 %).

Рассматривая структуру предоставляемых безвозмездных трансфертов, следует учитывать, что различные виды трансфертов преследуют разные

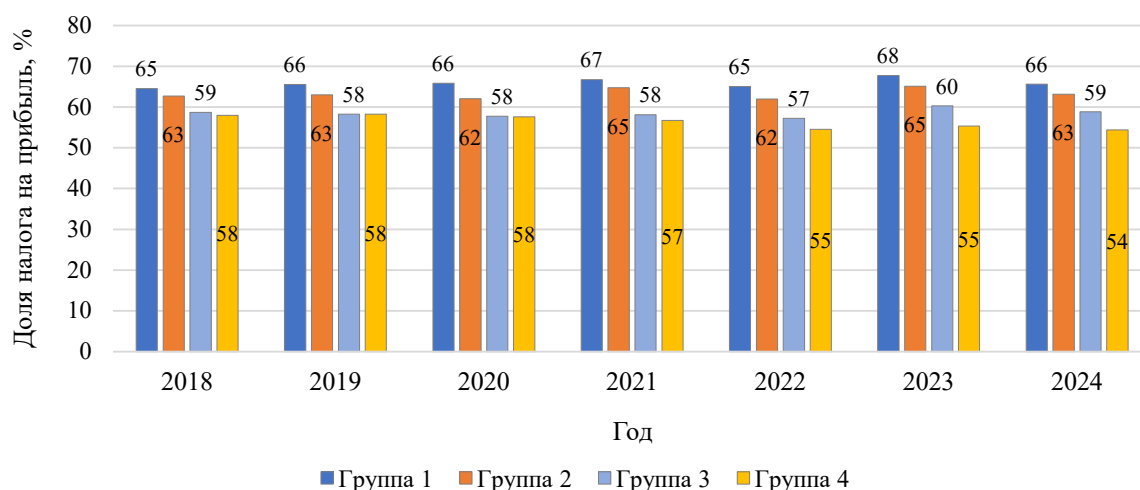

Рис. 3. Динамика доли налога на прибыль от налоговых и неналоговых доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации за 2018–2024 гг.

Fig. 3. Trends in the share of corporate income tax in tax and non-tax revenues of consolidated regional budgets in Russia, 2018–2024

²⁵ Составлен автором на основе данных Казначейства РФ.

цели в обеспечении реализации расходных полномочий регионов. В целом прослеживалась тенденция: по мере снижения уровня финансовой самостоятельности субъектов Российской Федерации возрастала значимость дотаций, прежде всего выравнивающих, тогда как у финансово устойчивых и самостоятельных регионов выше удельный вес целевых трансфертов. Анализ динамики за рассматриваемый период свидетельствовал о смещении структуры трансфертной поддержки от дотаций в сторону субсидий, относящихся к целевым и условным трансфертам (рис. 4²⁶).

Изучение структуры трансфертов в первой группе регионов показало, что дотации здесь практически отсутствовали, тогда как в общем объеме безвозмездных поступлений преобладали субсидии и субвенции. Во второй группе выравнивающие трансферты также имели минимальное значение, при этом объемы субсидий уже являлись значимыми. В третьей группе объемы дотаций и субсидий оказывались в целом сопоставимыми, причем за рассматриваемый период наблюдался существенный рост объемов субсидий. В четвертой группе, в свою очередь, фиксировались значительная роль

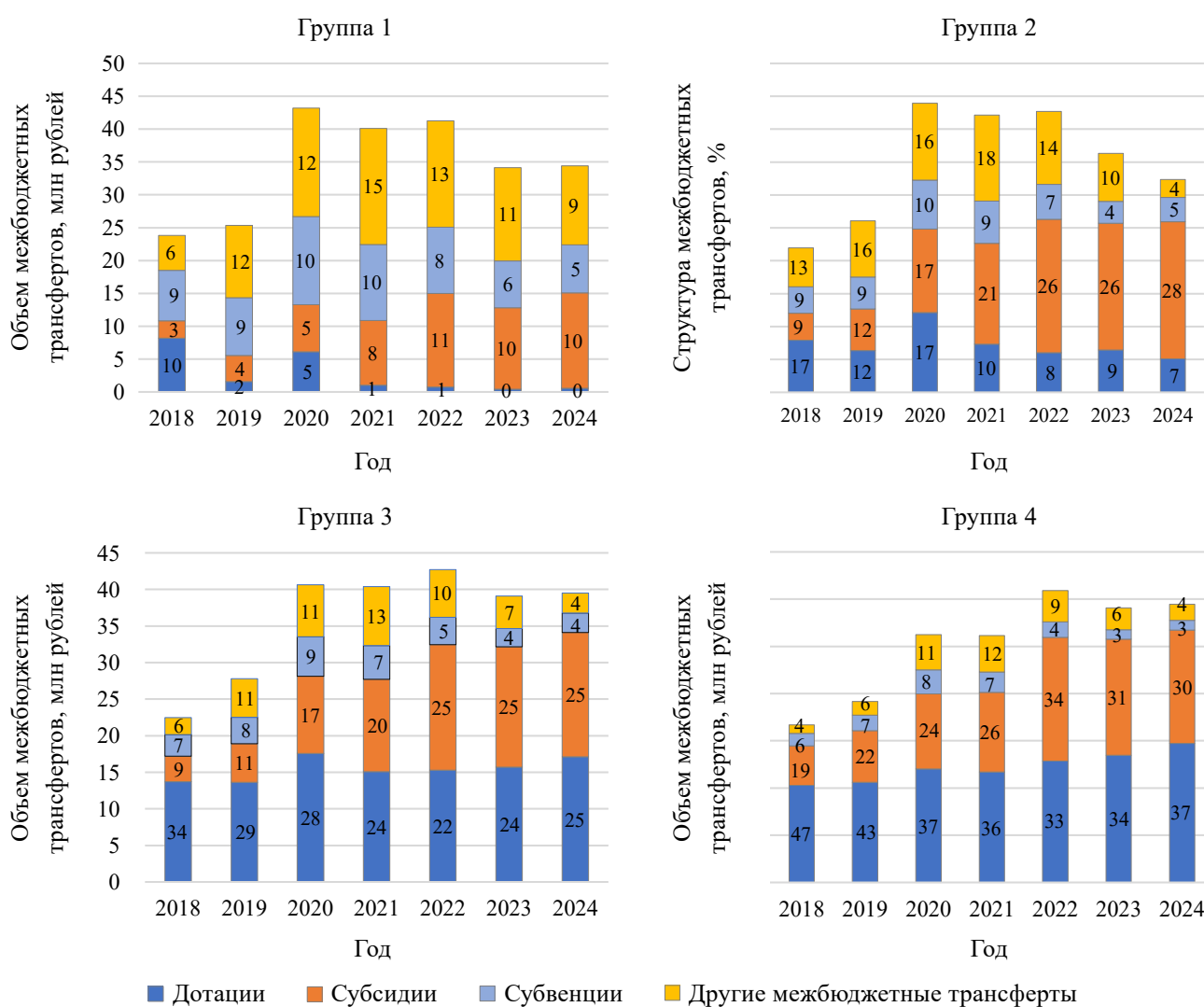

Рис. 4. Динамика межбюджетных трансфертов по группам регионов за 2018–2024 гг.

Fig. 4. Trends in intergovernmental transfers across regional groups, 2018–2024

²⁶ Составлен автором на основе данных Казначейства РФ.

выравнивающих трансфертов и увеличение доли субсидий, что на текущем этапе не привело к снижению финансовой зависимости данных регионов.

Анализ индикатора структурного дефицита налогового потенциала, который отражался в динамике дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности в структуре совокупных доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации, демонстрировал устойчивую картину региональных диспропорций. Это обозначило выявленные зависимости различных групп регионов от безвозмездных трансфертов в целях обеспечения сбалансированности бюджетов и тем самым подтвердило выводы, полученные ранее при анализе других показателей. При этом рассмотрение первых трех групп регионов позволило выявить устойчивую ситуацию: в первой группе данный вид дотаций фактически отсутствовал, поскольку эти регионы выступали в качестве регионов-локомотивов экономического развития; во второй группе значение показателя стабильно находилось на низком уровне; в третьей группе наблюдалось незначительное снижение доли дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности с 11 % в 2018 г. до 9 % в 2024 г. (рис. 5²⁷).

В четвертой группе регионов также фиксировалось некоторое сокращение данного показателя с 24 до 20 % за рассматриваемый период. Однако такое снижение не свидетельствовало о росте финансовой самостоятельности данных субъектов, поскольку общий объем безвозмездных трансфертов и их доля в доходах консолидированных бюджетов этих регионов в целом не показывали тенденции к сокращению.

Полная картина регионального развития не может быть сформирована исключительно на основе анализа показателей бюджетной обеспеченности без их сопоставления с индикаторами социально-экономического развития рассматриваемых регионов. В этой связи проведен анализ динамики валового регионального продукта на душу населения по группам регионов, в сравнении со среднероссийскими значениями. В результате складывалась устойчивая картина, при которой показатели регионов-лидеров первой группы в значительной степени превышали среднероссийский уровень, тогда как показатели регионов других групп оставались ниже средних значений по стране.

Сложившаяся ситуация отражала жесткую поляризацию регионального развития: средний уровень

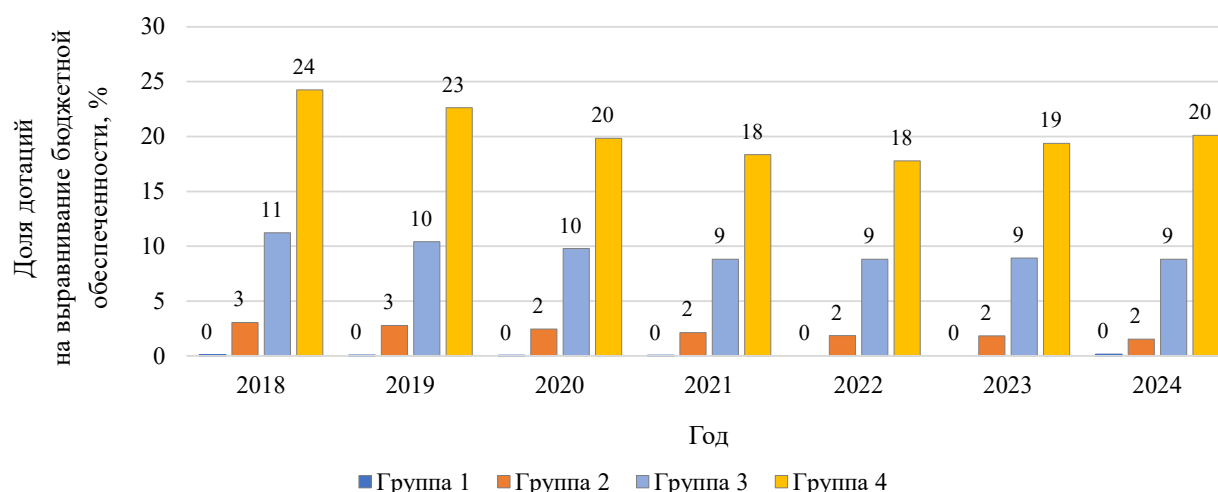

Рис. 5. Динамика доли дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности от совокупных доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации за 2018–2024 гг.

Fig. 5. Trends in the share of equalization grants in total revenues of consolidated regional budgets in Russia, 2018–2024

²⁷ Составлен автором на основе данных Казначейства РФ.

валового регионального продукта на душу населения в первой группе вырос с 2,243 до 3,714 млн рублей, тогда как в четвертой группе – лишь с 279 до 492 тыс. рублей. При этом относительный разрыв между крайними группами сократился незначительно – с 8,03 до 7,54 раза, тогда как абсолютная разница, напротив, увеличилась – с 1,963 до 3,222 млн рублей (рис. 6²⁸). Аномальные значения динамики наблюдаются в 2020 г., когда зафиксировано снижение валового регионального продукта на душу населения, связанное с воздействием внешних экономических шоков.

Анализ динамики также показал, что восстановление после кризиса 2020 г. происходило значительно быстрее в регионах первой группы, в то время как темпы восстановления в других группах существенно отставали, даже с учетом инфляционного роста, отраженного в номинальных показателях всех рассматриваемых регионов. Данный тренд соответствовал теориям регионального экономического роста, указывающим на усиление процессов дивергенции: экономически сильные регионы демонстрировали более высокие темпы роста, тогда как слабые регионы продолжали отставать от лидеров в еще большей степени.

Среднедушевые денежные доходы населения за рассматриваемый период во всех группах регионов росли достаточно равномерными и сопоставимыми темпами. При этом относительно среднероссийского уровня сохранялась устойчивая иерархия: в первой группе уровень доходов снизился с 151,7 до 145,7 % от среднего по Российской Федерации, однако регионы 2–4 групп к среднему уровню так и не приблизились, демонстрируя значения порядка 90, 81 и 71 % соответственно, при этом к 2024 г. наблюдалось незначительное ухудшение показателей. Номинальный скачок доходов в 2021–2022 гг., составивший 18–21 % во всех группах, следовало интерпретировать прежде всего как реакцию на ценовой шок, а не как свидетельство ускоренного роста реального благосостояния населения (рис. 7²⁹).

Несмотря на поступательный характер роста денежных доходов, что во многом может быть объяснено механизмами инфляционной компенсации, общая картина оставалась неизменной и отражала различия в экономическом потенциале рассматриваемых регионов: в первой группе уровень доходов превышал среднероссийские значения примерно в 1,5 раза, тогда как в остальных группах доходы

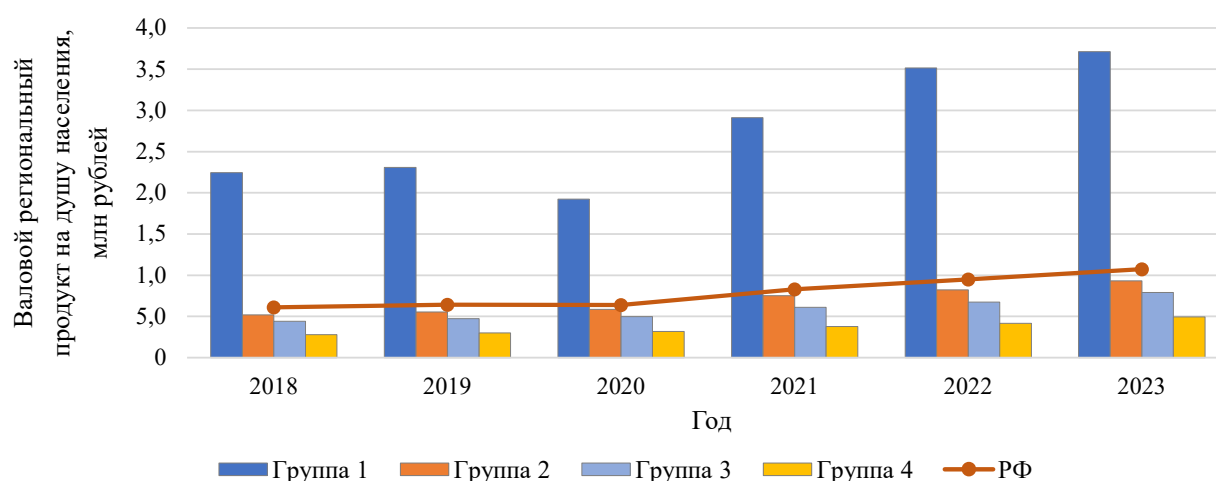

Рис. 6. Динамика валового регионального продукта на душу населения по группам регионов за 2018–2023 гг.

Fig. 6. Trends in gross regional product per capita across regional groups in Russia, 2018–2023

²⁸ Составлен автором на основе данных Росстата.

²⁹ То же.

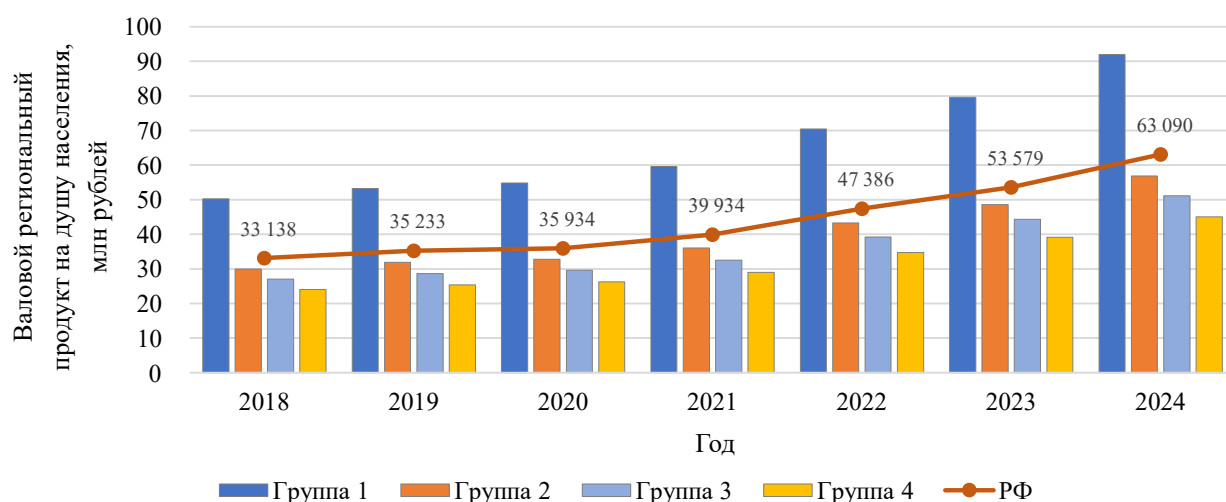

Рис. 7. Динамика среднедушевых доходов населения по группам регионов и в Российской Федерации за 2018–2024 гг.

Fig. 7. Trends in average per capita household income across regional groups and in the Russian Federation, 2018–2024

устойчиво отставали от среднего уровня по стране. При этом разрыв средних значений между группами со временем увеличивался, поскольку в четвертой группе денежные доходы выросли с 26,2 тыс. рублей в 2018 г. до 46,9 тыс. рублей в 2024 г. (почти на 80 %), тогда как относительное соотношение с более развитыми регионами изменилось незначительно.

Также следует учитывать, что в слаборазвитых регионах население в значительной степени использует различные формы социальных выплат и мер поддержки доходов семей, активизация которых пришлась на период пандемии и была сохранена в последующие годы. С одной стороны, это формировало определенные отрицательные стимулы для развития региональной экономики, а с другой – сглаживало социальную напряженность и позволяло компенсировать падение денежных доходов населения в условиях воздействия внешних экономических шоков.

Для анализа уровня неравенства в рассматриваемых группах регионов проанализирована динамика показателя коэффициента Джинни, который характеризовал не только уровень бедности, как это традиционно принято в его интерпретации,

но и отражал особенности структуры региональной экономики и каналы формирования доходов населения (рис. 8³⁰). В результате за рассматриваемый период складывалась устойчивая картина, при которой максимальные значения коэффициента Джинни наблюдались в экономически сильных регионах первой группы, тогда как минимальные значения характерны для регионов четвертой группы. Это формировало, на первый взгляд, парадоксальную ситуацию: наиболее развитые регионы оказывались наиболее неравными по уровню доходов населения, а регионы с высокой долей дотаций – сравнительно более равными по распределению доходов.

Экономическая интерпретация данного феномена основывалась на различиях в источниках формирования доходов населения. Регионы первой группы обеспечивали более высокие доходы за счет развитой индустриальной базы и диверсифицированной структуры экономики, что способствует концентрации высоких доходов у верхних доходных групп и, соответственно, приводит к увеличению значения коэффициента Джинни. В то же время в регионах четвертой группы доми-

³⁰ Составлен автором на основе данных Росстата.

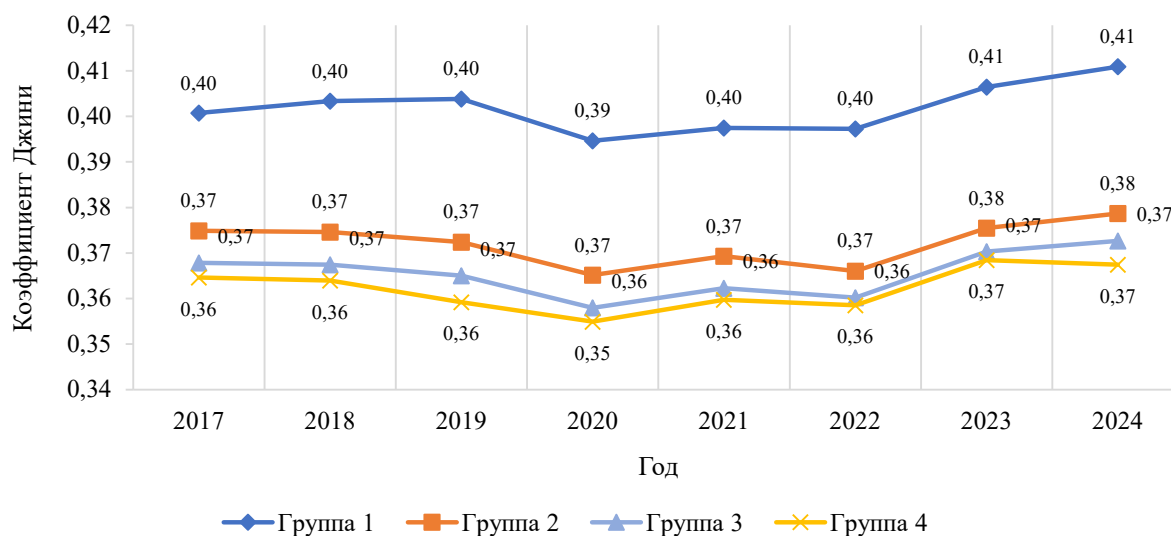

Рис. 8. Динамика коэффициента Джини (индекс концентрации доходов) по группам регионов за 2017–2024 гг.

Fig. 8. Trends in the Gini coefficient (income inequality index) across regional groups, 2017–2024

нировали сектора экономики с более однородным уровнем оплаты труда, а значительная доля трансфертов и социальных выплат формировала дополнительную поддержку наиболее уязвимых слоев населения, что в совокупности способствовало снижению дифференциации доходов.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ подтвердил, что зависимость региональных бюджетов от безвозмездных поступлений является структурным индикатором уровня финансовой самостоятельности регионов и, в более широком смысле, отражает степень ресурсной обеспеченности реализации региональных стратегий³¹. Подход к типологизации регионов по данному показателю позволяет выявить устойчивые факторы, характеризующие бюджетное положение субъектов Российской Федерации, и подтверждает закрепившийся, воспроизводимый характер межрегиональной дифференциации.

Анализ также фиксировал воспроизводство поляризации между крайними группами рассматриваемых регионов, что свидетельствовало о сохраняю-

щемся высоким уровне разрыва между экономически сильными и слабыми территориями. Указанные различия согласовывались с фактором налогового потенциала, который отражали уровень экономического развития регионов и их перспективы роста. Сопоставление бюджетных индикаторов с показателями социально-экономического развития и уровнем неравенства в регионах дополнял аналитическую картину, демонстрируя усиление процессов дивергенции социально-экономического развития рассматриваемых территорий.

Таким образом, полученные в статье результаты могут способствовать повышению эффективности формирования региональных стратегических документов за счет более ясного учета факторов ресурсной обеспеченности стратегий. Данный контекст принципиально важен для того, чтобы решения, принимаемые в процессе стратегирования, носили не формальный характер, а представляли собой обеспеченные ресурсами и реализуемые в долгосрочной перспективе меры, способные обеспечить устойчивый экономический рост и повышение уровня финансовой самостоятельности регионов.

³¹ Хворостяная А. С., Квинт В. Л. Разработка и реализация региональной стратегии: основные этапы и приоритеты // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2025. Т. 28. № 3. С. 25–34. <https://elibrary.ru/QRDAZZ>

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьева Е. Е. Финансовая самостоятельность бюджетов субъектов Центрального федерального округа: состояние и перспективы достижения // Вестник Евразийской науки. 2020. Т. 12. № 2. С. 1–13. <https://elibrary.ru/YMZPYO>
- Караева И. В., Гираев В. Фискальная децентрализация как основа эффективной экономической политики регионов // Федерализм. 2018. № 2. С. 18–31. <https://elibrary.ru/XSCKVN>
- Квинт В. Л. Концепция стратегирования. Т. 1. СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2019. 132 с.
- Квинт В. Л. Стратегирование в России и мире: ставка на человека // Экономика и управление. 2014. № 11. С. 15–17. <https://elibrary.ru/TENMXD>
- Квинт В. Л., Бодрунов С. Д. Стратегирование трансформации общества: знание, технологии, ноономика. СПб.: ИНИР имени С. Ю. Витте, 2021. 351 с.
- Мидов А. З. Анализ эффективности межбюджетных отношений как фактора ресурсной обеспеченности при реализации региональных стратегий // Экономический анализ: теория и практика. 2021. Т. 20. № 3. С. 436–454. <https://doi.org/10.24891/ea.20.3.436>
- Пьянкова С. Г., Комбаров М. А. Усиление фискальной децентрализации как один из способов ослабления гетерогенности экономического пространства России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2023. Т. 16. № 2. С. 52–68. <https://doi.org/10.15838/esc.2023.2.86.3>
- Сумская Т. В. Анализ бюджетной обеспеченности регионов России: подходы и выводы // Регион: экономика и социология. 2025. № 2. С. 29–52. <https://doi.org/10.15372/REG20250202>
- Тимушев Е. Н. Бюджетная децентрализация в России и мире: тенденции и эффекты // Вопросы экономики. 2021. № 11. С. 89–107. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-11-89-107>
- Хворостяная А. С., Квинт В. Л. Разработка и реализация региональной стратегии: основные этапы и приоритеты // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2025. Т. 28. № 3. С. 25–34. <https://elibrary.ru/QRDAZZ>
- Шаклеина М. В., Мидов А. З. Стратегическая типологизация регионов по уровню финансовой самостоятельности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 3. С. 39–54. <https://doi.org/10.15838/esc.2019.3.63.3>
- Юшков А. Ю., Одинг Н. Ю., Савулькин Л. И. Судьбы российских регионов-доноров // Вопросы экономики. 2017. № 9. С. 63–82. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-9-63-82>
- A fiscal capacity for the euro area: Lessons from existing fiscal-federal systems / P. Burriel [et al.] // ECB Occasional Paper Series. 2020. № 239. 58 p.
- Brueckner M., Pappa E., Valentinyi A. Geographic cross-sectional fiscal spending multipliers and the role of local autonomy: Evidence from European regions // Journal of Money, Credit and Banking. 2023. Vol. 55. № 6. P. 1357–1396. <https://doi.org/10.1111/jmcb.12974>
- Does fiscal decentralization foster regional investment in productive infrastructure? / A. Kappeler [et al.] // European Journal of Political Economy. 2013. Vol. 31. P. 15–25. <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2013.03.003>
- Dougherty S., Harding M., Reschovsky A. Twenty years of tax autonomy across levels of government: Measurement and applications // OECD Working Papers on Fiscal Federalism. 2019. № 29. P. 1–38.
- Gemmell N., Kneller R., Sanz I. Fiscal decentralization and economic growth: Spending versus revenue decentralization // Economic Inquiry. 2013. Vol. 51. № 4. P. 1915–1931.
- Oates W. E. Fiscal Federalism // Public Choice. 1973. Vol. 14. P. 155–157.
- Oates W. E. Toward a second-generation theory of fiscal federalism // International Tax and Public Finance. 2005. Vol. 12. № 4. P. 349–373. <https://doi.org/10.1007/s10797-005-1619-9>

- Tiebout C. M. A pure theory of local expenditures // *Journal of Political Economy*. 1956. Vol. 64. № 5. P. 416–424.
- Vigneault M. Intergovernmental fiscal relations and the soft budget constraint problem // *IIGR Working Paper*. 2005. № 2. 30 p.
- Weingast B. R. The performance and stability of federalism: An institutional perspective // *Handbook of New Institutional Economics*. Boston, MA: Springer, 2005. P. 149–172. https://doi.org/10.1007/0-387-25092-1_8

REFERENCES

- Afanasieva EE. Financial independence of the budgets of the subjects of the Central Federal District: State and prospects of achievement. *The Eurasian Scientific Journal*. 2020;12(2):1–13. (In Russ.) <https://elibrary.ru/YMZPYO>
- Brueckner M, Pappa E, Valentinyi A. Geographic cross-sectional fiscal spending multipliers and the role of local autonomy: Evidence from European regions. *Journal of Money, Credit and Banking*. 2023; 55(6):1357–1396. <https://doi.org/10.1111/jmcb.12974>
- Burriel P, Chronis P, Freier M, Hauptmeier S, Reiss L, et al. A fiscal capacity for the euro area: Lessons from existing fiscal-federal systems. *ECB Occasional Paper Series*. 2020;(239):58.
- Dougherty S, Harding M, Reschovsky A. Twenty years of tax autonomy across levels of government: Measurement and applications. *OECD Working Papers on Fiscal Federalism*. 2019;(29):1–38.
- Gemmell N, Kneller R, Sanz I. Fiscal decentralization and economic growth: Spending versus revenue decentralization. *Economic Inquiry*. 2013;51(4):1915–1931.
- Kappeler A, Solé-Ollé A, Stephan A, Väilä T. Does fiscal decentralization foster regional investment in productive infrastructure? *European Journal of Political Economy*. 2013;31:15–25. <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2013.03.003>
- Karavaeva IV, Giraev V. Fiscal decentralization as a basis for effective regional economic policy of regions. *Federalism*. 2018;(2):18–31. (In Russ.) <https://elibrary.ru/XSCKVN>
- Khvorostyanaya AS, Kvint VL. Regional strategy development and implementation: Key stages and priorities. *The North and the Market: Forming the Economic Order*. 2025;28(3):25–34. (In Russ.) <https://elibrary.ru/QRDAZZ>
- Kvint VL, Bodrunov SD. Strategizing the transformation of society: Knowledge, technology, noonomics. St. Petersburg: Institute of New Industrial Development named after SYu Witte; 2021. 351 p. (In Russ.)
- Kvint VL. Strategic planning in Russia and the world: Importance of human interactions. *Economics and Management*. 2014;11:15–17. (In Russ.) <https://elibrary.ru/TENMXD>
- Kvint VL. The concept of strategizing. Vol. 1. St. Petersburg: NWIM RANEPa; 2019. 132 p. (In Russ.)
- Midov AZ. Analyzing the efficiency of inter-budget relations as a factor of resource security in the implementation of regional strategies. *Economic Analysis: Theory and Practice*. 2021;20(3):436–454. (In Russ.) <https://doi.org/10.24891/ea.20.3.436>
- Oates WE. Fiscal Federalism. *Public Choice*. 1973;14:155–157.
- Oates WE. Toward a second-generation theory of fiscal federalism. *International Tax and Public Finance*. 2005;12(4):349–373. <https://doi.org/10.1007/s10797-005-1619-9>
- Pyankova SG, Kombarov MA. Strengthening fiscal decentralization to reduce the heterogeneity of Russia's economic space. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2023;16(2):52–68. (In Russ.) <https://doi.org/10.15838/esc.2023.2.86.3>

- Shakleina MV, Midov AZ. Strategic classification of regions according to the level of financial self-sufficiency. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2019;12(3):39–54. (In Russ.) <https://doi.org/10.15838/esc.2019.3.63.3>
- Sumskaya TV. Analysis of fiscal capacity of Russian regions: Approaches and conclusions. *Region: Ekonomika I Sotsiologiya*. 2025;2:29–52. (In Russ.) <https://doi.org/10.15372/REG20250202>
- Tiebout CM. A pure theory of local expenditures. *Journal of Political Economy*. 1956;64(5):416–424.
- Tymushev EN. Fiscal decentralization in Russia and the world: Trends and effects. *Voprosy Ekonomiki*. 2021;(11):89–107. (In Russ.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-11-89-107>
- Vigneault M. Intergovernmental fiscal relations and the soft budget constraint problem. *IIGR Working Paper*. 2005;(2):30.
- Weingast BR. The performance and stability of federalism: An institutional perspective. *Handbook of New Institutional Economics*. Boston, MA: Springer; 2005. P. 149–172.
- Yushkov AO, Oding NYu, Savulkin LI. The trajectories of donor regions in Russia. *Voprosy Ekonomiki*. 2017;(9):63–82. (In Russ.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-9-63-82>

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Мидов Аслан Замирович, канд. экон. наук, доцент кафедры экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики, ведущий научный сотрудник Центра стратегических исследований Института математических исследований сложных систем, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; midov.a.z.@mse-msu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3094-9693>

CONFLICT OF INTEREST: The author declared no potential conflict of interest regarding the research, authorship, and/or publication of this article.

ABOUT AUTHOR: Aslan Z. Midov, Ph.D.(Econ.), Associate Professor of the Department of Economic and Financial Strategy of the Moscow School of Economics, Leading Researcher of the Center for Strategic Studies of the Institute for Mathematical Research of Complex Systems, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; midov.a.z.@mse-msu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3094-9693>